

Отцы и дети

Эссе «Полторы комнаты» Иосиф Бродский написал 10 лет назад, но опубликовано оно в России только что, во втором номере «Нового мира», в переводе с английского. Будем считать, что возвращение состоялось — возвращение Бродского в Ленинград, где с отцом и матерью он прожил 32 года в полутора комнатах коммунальной квартиры в доме на знаменитом Литейном проспекте.

В этом доме жили и другие поэты. Само собой, Блок, который снимал квартиру в западном крыле, а анфиладу, поделенную в советские годы на коммуналки, занимали Мережковский и Гиппиус. «И как раз с балкона наших полутора комнат, — уточняет Бродский, — изогнувшись гусеницей, Зинка выкрикивала оскорбления революционным матросам». Как такое можно выразить по-английски, ума не приложу.

Если зародившаяся на Литейном проспекте поэзия Бродского бесповоротно переместилась в горные выси, где у простого смертного спит глаза и перехватывает дыхание, его прозу позволительно уподобить более или менее полному склону, по которому, останавливаясь и привывая к подъему, имеешь шанс добрести до вершины. Путешествие по прозе Бродского (классический пример — очерк о Венеции «Набережная неисцелимых») напоминает прогулку по веселому им городу вдоль изогнутых указателей на перекрестках: заблудиться обязательно, зато попадешь в места, столь же непостижимо прекрасные, как вечно отступающая цель. Но в «Полтора комнатах» есть стержень, вокруг которого строится повествование. Стержень этот — боль. Кажется, что английский, помимо всего прочего, играет для автора роль болеутоляющего, притупляющего тоску.

«Полезно для здоровья, как та посуда», — замечает он, имея в виду телефонный разговор с матерью. «Сынок, — повторяла мать по телефону, — единственное, чего я хочу от жизни, — снова увидеть тебя. — И сразу: — Что ты делал пять минут назад, перед тем как позвонил?» — «Ничего, мыл посуду». — «А, очень хорошо, очень правильно: мыть посуду — это иногда полезно для здоровья».

«Полторы комнаты» написаны прежде всего и главным образом о родителях: Марии Вольперт и Александре Бродском. Это, скажем, не боясь впасть в патетику, реквием по усопшим. Реквием тем более скорбный, что вынужденные 12 лет разлуки унижала и угнетала та же система; тебе положено только то, что положено: 9 квадратных метров жилья, а все остальное «нецелесообразно». В том числе родителям — увидеть сына, а ему — закрыть глаза старикам.

«Я пишу о них по-английски, ибо хочу даровать им резерв свободы; резерв, растущий вместе с числом тех, кто пожелает прочесть это». О свободе и речь в воспоминаниях Бродского, разбитых на 45 главок, видимо, по количеству прожитых им к тому времени лет. О жажде вырваться на волю из родительского гнезда и позднем прозрении, что именно это гнездо, откуда так нестерпимо хотелось бежать, и было самым настоящим в жизни. О свободе, отнятой насильственно, и о подменной жизни. О смерти как последней краже свободы, последнем ее похищении. Иначе с чего бы в его американском доме появились две вороны — одна после смерти матери, другая сразу после того, как умер отец? Они казались ему старой супружеской четой: одна поменьше другой, вроде того как мать приходилась отцу по плечо. «У меня, — признается он, — не хватает духу прогнать их прочь, и я не умею хоть как-то наладить с ними общение...»

Стихи Бродского, его эссеистика, интервью, документальный фильм с его участием — все открывало поэта с самых разных и неожиданных сторон. «Полторы комнаты», возможно, наиболее личное, интимное его сочинение по степени открытости с самим собой и читателем.

Для тех, «кто пожелает прочесть это», рассказ Бродского о его жизни в доме на Литейном проспекте может показаться не самым легким подзаемом по кручам памяти. Но другого взаимодействия с этим автором не бывает.